

Законодательное развитие нового Китая

© 2019

П.В. Трощинский

Статья посвящена исследованию особенностей эволюции законодательства Китайской Народной Республики в период с 1949 по 2019 г. Отмечается уникальность созданного китайскими властями механизма правового регулирования, направленного, прежде всего, на защиту национальных интересов от внешних конкуренции и угроз. Правотворческий опыт китайского законодателя своей успешностью ставит под сомнение эксклюзивность и «непогрешимость» предлагаемых Западом образцов правового развития. За годы реформ Китай доказал миру возможность существования иных альтернативных и не менее прогрессивных моделей правового регулирования политической и социально-экономической сфер. Потрясающие успехи в развитии были достигнуты Китаем в условиях отсутствия правового государства, разделения властей, системы сдержек и противовесов, многопартийности, демократической избирательной системы и т.п. Несмотря на это, благодаря национально ориентированной юридической политике, интересы государства, общества и, с определенными оговорками, личности оказались под надежной правовой защитой.

Ключевые слова: Китай, право Китая, законодательство, юридическая политика, правовая система, правовое регулирование, правовое государство.

DOI: 10.31857/S013128120007116-8

Введение

Осенью 1949 г. на карте мира появилась новая китайская государственность, образование которой сопровождалось созданием уникального механизма правового регулирования, соединивший передовой правотворческий опыт советской России с особой китайской спецификой, тысячелетиями формировавшей правосознание и правовую культуру китайского индивида. Впоследствии, после известных разрушительных событий, связанных в первую очередь с «культурной революцией», Китай опять предложил миру новую и по-прежнему эксклюзивную модель правового регулирования, благодаря которой за сорок лет политики реформ и открытости были достигнуты колоссальные успехи в развитии, а КНР стала второй по мощи мировой державой.

Российский ученый А.В. Виноградов констатирует, что *китайские реформы изменили не только мир, но и теоретические представления о развитии, сформулированные на Западе*¹. Несомненно то, что Китай предложил миру не только новую политическую и экономическую модели развития. Важно, что и правовое содержание китайских реформ было чрезвычайно отличным от западных шаблонов. Власти КНР отказались от признания принципа верховенства закона, разделения властей, системы сдержек и противовесов, превращения страны в правовое государство по европейскому образцу, реального, а не декларативного предоставления гражданам личных свобод, закрепления

Трощинский Павел Владимирович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: troshc@mail.ru.

приоритета норм международного права над национальным, принятия кодифицированных актов правотворчества в гражданской, налоговой, административной сферах и т.п.

Несмотря на все вышеперечисленное, масштабные зарубежные инвестиции хлынули в страну с таким специфичным режимом. Огромным капиталовложениям в китайскую экономику со стороны западного бизнеса и *хуацяо* не мешало полное отсутствие в стране регулирующих инвестиционную сферу кодексов и законов, расплывчатость законодательства, применение уголовного закона по аналогии, отсутствие механизма защиты прав интеллектуальной собственности, наличие в Уголовном кодексе около 70 составов преступлений (УК КНР 1997 г.; в настоящее время — 46), предусматривающих высшую меру наказания. Более того, зная о том, что в КНР масштабно нарушаются авторские и иные смежные права, права на торговые марки и патентные права, мировое сообщество, игнорируя вытекающие из этого риски, с распростертыми объятиями принимает Китай в ВТО, полагая, что продолжающееся усиление экономической мощи КНР выгодно и ему.

Таким образом, ни наличие в реальности однопартийной системы и смертной казни, ни отсутствие Гражданского, Налогового, Административного кодексов (они не приняты и до настоящего времени), ни отсутствие механизма защиты прав подозреваемых/обвиняемых в уголовном процессе (отсутствие реально действующего института адвокатуры) и т.д., и т.п. не стало препятствием для углубления сотрудничества Запада с Китаем. Все это еще раз подтверждает тезис о том, что в основе международного сотрудничества лежит не желание продвижения и действительной защиты фундаментальных естественных прав, а экономический (личный) интерес. До тех пор, пока с Китаем выгодно сотрудничать, это сотрудничество будет продолжаться несмотря ни на какие нарушения прав человека, которые используются лишь для оказания давления на КНР в угоду меркантильным интересам.

Особое внимание следует обратить на часто высказываемый в зарубежном экспертном юридическом сообществе тезис о том, что китайское законодательство чрезвычайно несовершенно и расплывчато, а юридическая техника китайского правотворца находится на низком уровне. С этим утверждением можно согласиться лишь в части признания китайского законодательства нечетким. Но с важной оговоркой: расплывчатость китайских законов умышленна, благодаря ей правоприменитель «поворачивает» норму в выгодную для интересов государства сторону. Отсутствие необходимого количества законов (к лету 2019 г. их общее количество не превысило 270) и кодексов позволяет китайским властям регулировать общественные отношения подзаконными актами, которые легко и быстро принимаются, и так же легко и быстро отменяются. *В таком подходе для иностранного бизнеса, присутствующего в Китае, заключается самая главная опасность*: в случае изменения внешне/внутриполитической ситуации власти страны без всяких сложностей на подзаконном уровне могут молниеносно изменить ранее принятые «правила игры», свободно «вытеснив» зарубежного инвестора со своего рынка. Для этого не понадобится созывать очередную сессию ВСНП (которая и так проходит лишь раз в год) или устраивать заседание его Постоянного комитета, а останется лишь принять подзаконный или даже ведомственный акт расплывчатого содержания.

Неслучайно полная блокировка на территории КНР (на основе подзаконных актов) работы *Google, YouTube, Facebook, Twitter, Flickr* и др. привела к вытеснению с китайского рынка не только самих западных интернет-площадок, но и крупнейших бизнес-проектов, с ними связанных. Вместо них, при отсутствии конкуренции, как грибы после дождя выросли и превратились в мегагигантов такие известные китайские интернет-корпорации, как Baidu, Weibo, Sohu, площадки электронной коммерции Alibaba (платежная система: Alipay) (Aliexpress; Taobao), Tencent (Мессенджер WeChat и платежные системы Wechat Pay (также: Tenpay; QQpay)) и др. Все это стало возможным благодаря «расплывчатому» и «несовершенному» законодательству, которое, при необходимости, легко устранило с пути развития собственных брендов иностранных конкурентов.

Заметим также, что китайские двери распахнулись с декабря 1978 г., однако иностранные гости вовсе не изучали особенности действующего законодательства, которое с радостью принимало от них капиталовложения, но препятствовало вывозу законно полученной прибыли. Сейчас, когда КНР превратилась в мощного игрока на международной арене, когда она все настойчивее заявляет о своих правах и защищает свои интересы, оказалось, что вложенные в китайскую экономику миллиарды долларов совсем не просто вернуть домой, а завезенные в Китай западные передовые технологии уже давно стали интеллектуальной собственностью местных «дельцов», получивших «законную» регистрацию в соответствующих китайских органах на имена и фамилии китайских граждан.

Подводя краткий итог вышесказанному, еще раз отметим особую уникальность пройденного новым китайским государством пути собственного законодательного развития и подчеркнем, что принимаемое в КНР законодательство своей целью ставило защиту национальных интересов перед лицом возможных конфликтов с окружающим его миром в будущем. Судиться с Китаем на его территории и по его законам — дело невозможное и безуспешное. Даже выиграв суд против китайских организаций в международных арбитражных органах, исполнить их решения на территории КНР также непросто. Такое положение дел является результатом национально ориентированной юридической политики китайских властей, проводимой с самого начала зарождения новой китайской государственности.

Законодательство китайских советских районов

Процесс зарождения новой китайской государственности был начат задолго до 1949 г., еще на базе создаваемых китайскими коммунистами *советских районов*. Именно тогда возникло *китайское советское законодательство*, которое впоследствии легло в основу правовой системы КНР наряду с последующим законодательством *Освобожденных районов*. Принимаемые в не подчиняющихся легитимной гоминьдановской власти советских районах законы были чрезвычайно прогрессивны и существенно (в лучшую сторону) отличались от законодательства правящего режима. Права и свободы, которые предоставлялись советским законодательством, были не известны не только императорскому, но и республиканскому Китаю. По сути законодательство советских районов открыло новую страницу в истории права Китая Нового и Новейшего времени.

Находящиеся под властью коммунистов районы с позиции юридической науки представляли собой не подчиняющиеся центральной власти анклавы с *отсутствием каких-либо правомочий на принятие актов правотворчества*. Любая деятельность подобного рода «законодателей» рассматривалась как противозаконная, а принимаемые ими документы автоматически лишались юридической силы в глазах правящего режима.

Появляющиеся в китайских советских районах акты преимущественно обозначались как «положение», «правило», «законы» и даже «конституция»², несмотря на то, что в Китайской Республике действовало свое собственное законодательство, которое коммунистами не признавалось. Так, в ноябре 1931 г., после провозглашения создания Китайской Советской Республики (КСР), была принята *Основная конституционная программа* (проект), которая играла роль Конституции КСР (переработана в 1934 г.). И это при том, что на территории Китайской Республики периодически принимались и действовали различные общегосударственные Конституции, а 1 июня 1931 г. появилась *Временная Конституция для периода политической опеки*.

Таким образом, ко времени образования КНР китайские коммунисты обладали многолетним опытом правотворческой работы, вплоть до принятия собственной конституционной программы. Игнорируя гоминьдановское законодательство, действующий легитимный режим, они строили свое новое общество, которое должно было прийти на смену реакции. *Принимаемое советское законодательство как бы легитимизировало*

деятельность КПК по противостоянию законной власти в лице партии Гоминьдан. КПК создавало правовые основы борьбы с Гоминьданом, советское законодательство служило юридическим основанием, освобождающим от ответственности за совершенные в ходе гражданской войны деяния, приравненные гоминьдановским законодательством к преступлениям против государства. Партизанская деятельность КПК «облекалась» в законную форму, гарантировала бойцу красной армии защиту от уголовного преследования со стороны действующей власти, но только в случае ее свержения в будущем.

Основные этапы законодательного развития КНР

Становление китайской государственности (1949–1957 гг.)

Становление начальных правовых основ новой китайской государственности происходило в период с 1949 по 1954 г. Этот период еще можно назвать *«доконституционный»*, *«переходный»*, *«временный»* или *«восстановительный»*. Он проходил при непосредственном участии советских ученых-юристов, которые оказывали практическую и методологическую помощь в разработке первых законов КНР. Не только законодательство, но и сам фундамент юридической науки КНР был заложен советскими специалистами³.

Имея за спиной многолетний правотворческий опыт, китайские коммунисты, придя на большей территории Китая к власти, первым делом отменили действие гоминьдановского законодательства, или *«Полной книги шести законов»* (*«Полной книги шести отраслей права»*). Решение об отмене *«реакционного»* законодательства официально было оформлено нормативной директивой ЦК КПК в феврале 1949 г.⁴ (для ее выполнения был издан приказ Народного правительства северного Китая № 6, апрель 1949 г.).

Процесс подготовки провозглашения КНР занял период с 15 июня по 30 сентября 1949 г. В *«доконституционный»* период в самом его начале функции верховного представительного органа государственной власти осуществляла (пленарная) сессия Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) (21–30 сентября 1949 г.). Сессия НПКСК сыграла роль Учредительного собрания и приняла *три важнейших закона конституционного характера*: *«Закон об организации Народного политического консультативного совета Китая»* (иначе: *«Организационный статут»*) (27.09.1949); *«Закон об организации Центрального народного правительства»* (27.09.1949) и *«Общая программа Народного политического консультативного совета Китая»* (29.09.1949)⁵. Эти три *«конституционных»* документа заложили основу государственного строя нового Китая переходного периода. Они явились прообразом будущей Конституции, иначе — временной, *неписанной конституцией КНР*.

После официального провозглашения в октябре 1949 г. образования КНР руководство страны продолжило работу по созданию основ правовой системы страны. Первыми законодательными актами того времени стали: *«Закон КНР о браке»* (13.04.1950); *«Закон КНР о земельной реформе»* (28.06.1950); *«Положение об организации крестьянских союзов»* (14.07.1950); *«Временные правила о сельскохозяйственном налоге в новых освобожденных районах»* (05.09.1950); *«Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность»* (20.02.1951); *«Временное положение об охране государственной тайны»* (01.06.1951); *«Постановление Государственного административного совета о конфискации имущества лиц, совершивших контрреволюционные преступления»* (22.06.1951); *«Положение о наказаниях за коррупцию»* (18.04.1952) и др.⁶

Рассматриваемый нами *«доконституционный»* период завершился принятием 20 сентября 1954 г. *первой Конституции КНР*. Конституция 1954 г. своим содержанием походила на сталинскую Конституцию 1936 г. и устанавливала общие принципы деятельности государственных органов КНР (глава 2), содержала перечень основных прав и обязанностей китайских граждан (глава 3), закрепляла особенности государственной символики КНР (глава 4). В ее основу также легла приведенная выше Общая программа

НПКСК. В первой Конституции КНР широко использовался опыт международного конституционного строительства, в частности конституционного строительства социалистических стран⁷.

Конституция КНР 1954 г. явилась базой для последующего активного развития правового регулирования в стране. Вслед за ней появились *пять важных органических законов*, устанавливающих принципы формирования и деятельности государственных органов КНР: «Закон КНР об организации Всекитайского собрания народных представителей» (20.09.1954); «Закон КНР об организации Государственного совета» (21.09.1954); «Закон КНР об организации местных собраний народных представителей и местных народных комитетов» (21.09.1954); «Закон КНР об организации народных судов» (21.09.1954); «Закон КНР об организации народной прокуратуры» (21.09.1954) и «Закон КНР о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей» (11.02.1954).

Рассматриваемый период с 1949 по 1954 г. можно с уверенностью назвать «золотым» временем формирования основ законодательства новой китайской государственности. Были приняты основополагающие нормативные правовые акты, включая Конституцию КНР, которые закладывали основу существования китайского государства на долгое время в будущем. Китайский законодатель «вошел во вкус» принятия законов, общество постепенно переходило к правопорядку.

К сожалению, запущенный процесс демократизации китайского общества, перехода государства на «правовые рельсы» начиная с 1956 г. начал свертываться. В период кампании «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» (май—июнь 1957 г.) (в мае 1956 г. Мао Цзэдун выдвинул этот лозунг в отношении к интеллигенции)⁸ была высказана острая критика в адрес КПК по вопросу реального соблюдения в стране Конституции и законов. Отмечалась декларативность многих закрепленных в законодательстве положений, влияние партии на решения народных судов, отсутствие четкого процессуального порядка привлечения к юридической ответственности и др.

В противовес кампании «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» стала проводится кампания «движение за упорядочение стиля», а затем «борьба с правыми элементами». Кампании ознаменовали собой переход руководителей КНР к репрессиям в отношении своих политических противников, отходу от принципов социалистической законности и началу разрушительного для китайской государственности периода, апогеем которого стала «культурная революция». Принятое в августе 1957 г. «Постановление о трудовом перевоспитании» (первый антиконституционный акт) закрепило отход Мао Цзэдуна и его сторонников от провозглашенного VIII съездом КПК курса на укрепление законности в стране.

В КНР начались массовые аресты противников правящего режима, включая и работников партии, а также членов семей «правых». О соблюдении закона в новых условиях речи уже не шло. *В конце 1957 г. и в начале 1958 г. в правовой системе страны появлялись лишь единичные акты правотворчества.* Страна постепенно погружалась в «омут» повсеместного беззакония и насилия, существование которого было санкционировано ближайшим окружением Мао Цзэдуна.

Законодательство в эпоху политических кампаний (1958–1976 гг.)

Борьба Мао Цзэдуна с оппозицией внутри партии вряд ли могла быть успешной, если бы проводилась в соответствии с действующим законодательством. А оно прямо запрещало аресты граждан без решения народного суда или санкции народной прокуратуры. Об этом четко говорилось в ст.1 «Положения КНР об арестах и задержаниях», принятого ПК ВСНП в самом конце 1954 г. Кроме того, на страже социалистической законности стояли органы прокуратуры (ст.81 Конституции КНР 1954 г.), которые должны были следить за исполнением норм права в жизни китайского общества. Таким образом, един-

ственным выходом для Мао Цзэдуна и его окружения в запущенном процессе уничтожения политических противников стала масштабная дискредитация Права и Закона, ликвидация правоохранительных органов в частности и всей системы органов государства в целом, возврат общества к «первобытному состоянию», не предполагающему верховенства закона и соблюдения установленного в законодательстве процессуального порядка привлечения лица к ответственности.

В рассматриваемый исторический период ситуация в правовой системе КНР претерпела кардинальные негативные изменения. Законодательная работа практически полностью завершилась в конце 50-х годов XX столетия. В китайском государстве были попорчены нормы закона, а право признано буржуазным пережитком. *В рассматриваемый период в КНР не было принято по сути ни одного полноценного законодательного акта* (появившаяся в 1975 г. новая Конституция КНР носила исключительно декларативный характер), ликвидированной оказалась конституционная система государственных органов, уставные органы КПК и общественные организации. *Партийные директивы заменили собой акты правотворчества.*

Кампания «**Большой скачок**» (1958–1960 гг.) привела к полному отрицанию ранее закрепленных в трудовом законодательстве норм о 8-часовом рабочем дне, обязательных выходных и отпусках, оплачиваемых переработках и т.п. Задача за 15 лет догнать Англию по производству важнейших видов промышленной продукции осуществлялась за счет личного времени и труда китайских граждан, которые работали без выходных и какой-либо справедливой оплаты.

Но нарушалось не одно только трудовое законодательство. Повсеместное появление **народных коммун** означало по существу подмену действующей китайской Конституции партийной директивой. Если бы КПК придерживалась установленного Конституцией порядка, то для их создания требовалось внести поправки в Основной закон «большинством в 2/3 голосов всех депутатов Всекитайского собрания народных представителей» (ч.1 ст.29 Конституции КНР).

Закрепленные в решениях ЦК КПК положения нередко противоречили Конституции и принятым в первые годы после образования КНР нормативным правовым актам. Это касается не только создания народных коммун, лишения трудящихся в них положенных отпусков, доплаты за сверхурочную работу, замены части заработной платы общественным питанием и др. Нарушались нормы социального законодательства, полностью игнорировались акты, регулирующие деятельность ранее созданных сельскохозяйственных кооперативов. Все это способствовало укреплению в сознании китайских граждан нигилистического отношения к праву, недоверие к закону. Вместо закона предлагалось прибегать к критике и самокритике. Источником права стали выступать учение Мао Цзэдуна и решения ЦК КПК. *Закону негласно был предан статус отмирающего явления*, в котором новое китайское общество абсолютно не нуждается. Партийные директивы, выступления руководителей страны, чиновников на местах перестали содержать какие-либо ссылки на Конституцию и действующее законодательство.

Апогеем нигилистического отношения к праву и закону стала «**Великая пролетарская культурная революция**» (1966–1976 гг.). Принятая в августе 1966 г. и состоявшая из 16 пунктов Резолюция ЦК КПК «О великой пролетарской культурной революции», подменяя собой действующее в стране законодательство, предоставило неограниченную власть революционным учащимся (*хунвэйбины*) и революционным комитетам («китайские парижские коммуны»). Главный идеолог «культурной революции» супруга Мао Цзэдуна Цзян Цин, выступая перед «красной молодежью», заявляла, что «*войска общественной безопасности, прокуратура, Верховный народный суд — все это органы, пришедшие к нам от капиталистических государств. Они стоят над партией, над правительством; все они в конечном счете устанавливают надзор над нами, ставят перед нами черные материалы, все они являются бюрократическими органами*»⁹.

В период «культурной революции» была практически полностью уничтожена основанная на Конституции 1954 г. политическая система, подвергнута чистке армия и правоохранительная система, репрессированы видные работники государственно-партийного аппарата. В полную силу действовало *«цитатное судопроизводство»*, когда при вынесении судебных приговоров в его мотивировочной и резолютивной частях ссылались на выдержки из работ Мао Цзэдуна.

В эти годы произвола и беззакония невозможно говорить о существовании в КНР права. Правовой нигилизм стал главной составляющей проводимых в стране репрессий. *Период с 1958 по 1976 г. можно с полным основанием исключить из истории китайского права.*

Перед самым окончанием «культурной революции» была принята *вторая Конституция КНР* (17.01.1975), число статей которой в сравнении с первой Конституцией было значительно сокращено (с 106 до 30!). Кроме Конституции, ВСНП не приняло ни одного органического закона, как это было в ходе появления в 1954 г. первой китайской конституции.

Основой новой Конституции стали тезисы Мао Цзэдуна о борьбе с контрреволюцией, «черными» бандами, шпионами, предателями. Наиболее серьезным изменением стала *ликвидация поста Председателя КНР* (занимавший во время «культурной революции» эту должность Лю Шаоци был объявлен изменником, снят Пленумом ЦК КПК с должности, хотя по Конституции это могло сделать лишь ВСНП, и физически уничтожен). Пост Председателя КНР был связан с Государственным комитетом обороны и Верховным государственным совещанием — их также исключили из системы высших органов государства. Зато юридическое право на существование получили «ревкомы»: «постоянно действующие органы местных собраний народных представителей и вместе с тем местные народные правительства» (ч.1 ст.22 Конституции). (Новые органы власти были созданы в КНР согласно распоряжению Мао Цзэдуна, сделанным в январе 1967 г. Однако до 1975 г. они являлись неконституционными учреждениями.)

Кроме того, также из текста Конституции были полностью исключены демократические принципы организации и деятельности народных судов: независимость судов, их подчинение только закону и т.д. Отсутствовало положение о равенстве всех граждан перед законом. Основным правом и основной обязанностью граждан КНР объявлена поддержка руководства КПК (ч.1 ст.26).

Деятельности органов суда и прокуратуры в новой Конституции отведена лишь одна 25 статья (при этом полномочия прокуратуры «осуществляются органами общественной безопасности различных уровней» (ч. 2 ст. 25), что по сути означало *ликвидацию прокурорской системы*), компетенции Государственного совета — две статьи (19 и 20), правам и обязанностям граждан — также две статьи (26 и 27).

В таком разрушенном, погруженном в хаос состоянии китайское государство вступило в 1976 г. Смерть в сентябре этого года Мао Цзэдуна привела к кардинальному изменению внутриполитической ситуации в стране, началу нового этапа развития правовой системы КНР.

Правовосстановительный процесс и реформа экономической системы (1977–1997 гг.)

Уход из жизни Мао Цзэдуна и последовавший за этим арест «группы четырех» (в большинстве русскоязычных источников под влиянием китайской пропаганды — «банды четырех») послужили началом к разворачиванию крупномасштабного *правовосстановительного процесса*¹⁰. В конце 70-х годов прошлого столетия в КНР возобновилась правотворческая деятельность, прерванная в конце 50-х в результате проведения различных политических кампаний. Именно с этого времени принято говорить об *уникальном опыте правового строительства* китайского государства. Китайский законодатель предложил иную эксклюзивную модель правового регулирования общественных от-

ношений: при отсутствии кодифицированных актов правотворчества в гражданской, экономической, налоговой и административной сферах на протяжении десятилетий принимались локальные ведомственные нормативные документы, подзаконные нормативные правовые акты, редко — законы, регулирующие осуществляемую с конца 1978 г. политику реформ и открытости.

Регулирование экономических реформ осуществлялось преимущественно на подзаконном уровне, что позволяло властям оперативно реагировать на происходящие в народном хозяйстве изменения. Иностранному инвестору не требовалось ждать появления в правовой системе КНР трудноизменяемого закона: льготные налоговые режимы предоставлялись местными чиновниками в зависимости от достигнутых с инвестором договоренностей. Конечно, такого рода свобода местного правотворчества привела к росту коррупции в государственном аппарате, что, однако, на первом этапе реформ положительно сказывалось на экономическом росте реформируемого государства¹¹. Отсутствие единых законодательно прописанных правил поведения в экономической сфере с лихвой компенсировалось личной заинтересованностью коррумпированного чиновника, который думал не только о своем собственном благополучии, но и о росте экономического потенциала вверенного ему региона.

На новом этапе развития перед руководством Китая стояла задача стабилизировать положение в стране, восстановить разрушенную систему управления, стимулировать развитие народного хозяйства. *Как и в первые годы после образования КНР, законодательная деятельность становится неотъемлемой частью начавшихся в стране преобразований.* Уже в 1977 г. в правовой системе КНР начинают появляться первые акты правотворчества и нормотворчества экономической направленности¹².

Наиболее значимые законодательные акты КНР начали появляться уже с 1979 г.

Переломным событием в жизни Китая рассматриваемого периода по праву считается 3-й Пленум ЦК КПК 11-го созыва (с 18 по 22 декабря 1978 г.), с которого принято вести отсчет проводимых в стране крупномасштабных реформ. Был провозглашен курс на обновление страны, восстановление законности, акцент в государственной работе был перенесен на экономическое строительство, инициирован массовый процесс реабилитации жертв политических репрессий. Именно с этого Пленума *китайское право стало приобретать современный облик.*

Восстановление механизма правового регулирования после «культурной революции» связано, прежде всего, с принятием на 1-й сессии ВСНП 5-го созыва новой *Конституции КНР 1978 г.*, ставшей первоначальной базой этого процесса (05.03.1978)¹³. И хотя данная Конституция просуществовала совсем недолго (до 1982 г.), она явилась основой зарождающегося правотворческого процесса в масштабах всего Китая.

С 1979 г. китайский правотворец приступает к принятию основополагающих правовых документов, без которых было невозможно успешное реформирование государства. *Семьдесят процентов принимаемых законов и подзаконных нормативных правовых актов было направлено на регулирование экономической сферы.*

В первое десятилетие реформ страна переживала настоящий «правотворческий бум», во время которого на свет появлялись сотни новых нормативных правовых актов. Наряду с появлением актов правотворчества экономической направленности, высший законодательный орган Китая *впервые со времени образования в 1949 г. КНР принимает Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы (01.07.1979) (их появление связано с необходимостью проведения судебного процесса над «группой четырех»),* а также «Закон КНР об организации народных судов», «Закон КНР об организации народной прокуратуры» (01.07.1979) и, впервые (!) «Временное положение об адвокатах» (26.08.1980). 13 апреля 1982 г. появляется «Закон КНР о нотариате».

Активное экономическое развитие страны, серьезные изменения, которые терпела внутрисполитическая обстановка, способствовали разработке и принятию 4 де-

кабря 1982 г. новой, четвертой по счету, Конституции КНР (действует по настоящее время). Из ее положений были устранены все упоминания о «культурной революции» и ее установках. зафиксирован возврат страны к многоукладной экономике. По отношению к регулированию организации и деятельности государственных органов КНР Основной закон почти полностью повторяет первую китайскую Конституцию 1954 г., при этом восстанавливается пост Председателя КНР.

Бурное экономическое развитие способствовало появлению целого ряда социальных проблем и росту недовольства, что вылилось в массовые протестные выступления молодежи на площади Тяньаньмэнь (серия протестов с апреля по июнь 1989 г.). Основными требованиями протестующих были ускорение демократических преобразований, борьба с коррупцией, либерализация политической системы¹⁴. После жесткой «зачистки» центра Пекина от оппозиционно настроенных граждан (точное число погибших не известно), по стране прокатилась волна массовых арестов и судов. Наиболее активные из протестующих были приговорены к различному уголовному наказанию, включая высшую меру, пожизненное лишение свободы. Восемь приговоренных к смертной казни преступников продолжают отбывать наказание в китайских тюрьмах по настоящее время (высшая мера была заменена на срочное и бессрочное лишение свободы).

Одним из следствий произошедшей трагедии стало ускоренное утверждение «Закона КНР о собраниях, шествиях и демонстрациях» (принят 31.10.1989). Его проект был представлен в ПК ВСНП уже летом 1989 г., а принятие состоялось всего лишь через несколько месяцев. Не случайно, что положения закона в итоговом варианте закрепляли полномочия правоохранителя на применение силы в отношении протестующих (ст.27), запрет на протесты ближе чем на 300 метров от административных и военных объектов (ст.23) и многое другое. Согласно ст.15 закона предусматривается запрет гражданам на проведение митингов и демонстраций, участие в них за пределами города, в котором они проживают. Статья 16 запрещает участие в митингах и демонстрациях работникам государственных органов.

19 февраля 1997 г. во время китайского Нового года в возрасте 93-х лет скончался реформатор Дэн Сяопин. За 20 лет проводимой экономической реформы облик Китая существенно изменился: достигнут один из самых высоких в мире среднегодовых темпов экономического роста, в 4 раза увеличен ВВП на душу населения¹⁵. Колоссальные изменения претерпела правовая система КНР. Оказавшись полностью разрушенной после «культурной революции», всего лишь за два десятка лет она пополнилась множеством новых законов и тысячами актов, принятых Государственным советом. Особенно успешным явился правотворческий опыт китайского законодателя в экономической сфере, появившиеся нормативные правовые акты способствовали бурному росту китайского народного хозяйства. В конституционно-правовой сфере действовали Конституция и целый ряд органических законов. Был восстановлен пост Председателя КНР, деятельность органов суда и прокуратуры. В административной сфере инициировался процесс разделения партийных и государственных функций, начала проводиться масштабная административная реформа, направленная на снижение количества разрешительных процедур. Гражданско-правовая сфера пополнилась целым рядом новых законов, к основным из которых отнесем Общие положения гражданского права (аналог первой части ГК РФ). В уголовно-правовой сфере действовал существенно измененный в марте 1997 г. Уголовный кодекс.

Процессуальное право также активно развивалось. Появились Уголовно-процессуальный, Административно-процессуальный, Гражданско-процессуальный и Арбитражный кодексы. Народные суды с трудом справлялись с объемом навалившейся на них работы: количество гражданских, административных и уголовных дел, ими рассматриваемых, в сравнении с периодом правления Мао Цзэдуна, увеличилось многократно.

Вместе с огромными положительными результатами, достигнутыми в ходе реформ, страна столкнулась и с целым рядом серьезных проблем. В первую очередь, к ним

относятся резкая дифференциация в доходах населения, рост общеуголовной преступности, коррупция в партийно-административном аппарате, истощение природных ресурсов и ухудшение экологической обстановки, отсутствие реальной независимости судебной системы от партийной воли и декларативность закрепленных в Конституции личных прав и свобод. Китай испытывал мощное давление со стороны международного сообщества, выступавшего с требованием ратификации основных международных документов в сфере защиты прав человека, имплементации норм международного права в национальное законодательство. Стремление КНР вступить в международные организации, в особенности в ВТО, требовало от представительных органов принятия целого пакета нормативных правовых актов, направленных на приведение китайских законов в соответствие с международными требованиями.

В таком непростом положении китайское государство оказалось накануне важного XV съезда КПК (1997 г.), которому было суждено сформулировать курс на построение «социалистической правовой системы с китайской спецификой» с прицелом на далекий 2010 г. *С XV съезда КПК открывается новая страница в сфере правового регулирования общественных отношений в Китае в Новейшее время.*

Формирование «социалистической правовой системы с китайской спецификой» (1997–2010 гг.)

В сентябре 1997 г. в Пекине прошел XV съезд КПК. Наряду с марксизмом-ленинизмом и «идеями Мао Цзэдуна», теория Дэн Сяопина о строительстве «социализма с китайской спецификой» получила статус «руководящей партийной идеологии», что автоматически означало ее внесение в Преамбулу действующей Конституции в ближайшем будущем. КНР продолжала стремительно наращивать свой экономический потенциал. Вместе с этим происходил процесс возвращения принадлежащих Китаю ранее отторгнутых территорий: согласно достигнутых с Великобританией договоренностей *1 июля 1997 г. под китайскую юрисдикцию был возвращен Сянган (Гонконг)*. В 1999 г. был возвращен Аомэнь (Макао) (бывшая португальская колония).

Определяющим на долгие годы вектором развития правовой системы КНР стала поставленная задача по формированию к 2010 г. «социалистической правовой системы с китайской спецификой». Однако партия, как и раньше, продолжала влиять на судебные органы, партийные решения имели силу закона, права граждан ущемлялись. Тем не менее поставленная КПК задача формирования «социалистической правовой системы с китайской спецификой» стала реализовываться сразу после завершения XV съезда: законодатель принимает различные «Планы правотворческой работы» на предстоящие годы с прицелом на 2010 г., в результате которых в стране появляются новые нормативные правовые акты, а в уже действующие вносятся масштабные изменения¹⁶.

Происходящие в процессе реформ изменения понудили законодателя к внесению ряда поправок в действующую Конституцию КНР (1999 и 2004 гг.). *Мартовские поправки 1999 г.* несколько изменили содержание текста Преамбулы¹⁷. Например, вместо положения «Китай находится на начальной стадии социализма» стало: «Китай будет в течение длительного времени находится на начальной стадии социализма». В Преамбуле также упомянута «теория Дэн Сяопина» («народы всех национальностей Китая, руководимые Коммунистической партией Китая и вооруженные марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн Сяопина...»), поставлена задача «развивать социалистическую рыночную экономику».

Из текста Основного закона исключена формулировка «государство...подавляет предательскую и иную контрреволюционную деятельность...». Вместо этого содержание ст.28 гласит: «государство...подавляет предательскую и прочую преступную деятельность, подрывающую безопасность государства...». Отметим, что понятие «контрреволюционное преступление» было исключено из УК КНР еще *14 марта 1997 г.* (в резуль-

тате масштабных поправок в действующий уголовный закон). Однако в Конституции КНР оно продолжало «существовать» еще два года. Налицо парадоксальная коллизия: *в уголовном законе данный вид преступления существовать перестал, а на уровне Конституции — действовал еще два года*. И все это происходило на фоне непрекращающихся партийных заявлений о необходимости поддержания авторитета закона в китайском обществе...

В контексте рассматриваемой проблематики важной видится поправка к *ст. 5* (содержание статьи дополнено новой первой частью), которая устанавливает: *«Китайская Народная Республика управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством»*.

Отметим, что приведенная выше формулировка, относящая Китай к правовому государству, по сути есть ни что иное, как очередная декларация, направленная больше «вовне», для международного сообщества, нежели прямое руководство к действию для национального законодателя и правоприменителя. Да и само понятие «правовое государство» применительно к КНР не может трактоваться исходя из общепринятого на Западе понимания его сущности. Лозунг становления КНР как социалистического правового государства нельзя отнести к нововведениям¹⁸, однако в 1999 г. он впервые в китайской истории получил закрепление на конституционном уровне.

2001 г. стал одним из наиболее успешных для экономического развития страны: *КНР вступила во Всемирную торговую организацию*. Вступление в ВТО сыграло решающую роль в деле стимулирования развития всего народного хозяйства.

Несмотря на заявления руководства китайского государства об успешности процесса приведения национальной системы права в соответствие с предъявляемыми международными требованиями, эти изменения все же не могут быть признанными полными и достаточными. Скорее они носят *«показательный»*, *«умиротворяющий»*, *«компромиссный»*, а в большинстве случаев *«временный»* характер. Китайские власти в процессе реформирования правовой системы исходят исключительно из собственных интересов, руководствуясь целями и задачами, стоящими перед лицом китайского общества, а лишь затем обращают свои взоры на предложения и замечания со стороны иностранных партнеров.

Даже те серьезные изменения, которым было подвергнуто законодательство КНР в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, в результате так и не привели к достаточной правовой охране интересов иностранных компаний на территории Китая. Известны лишь единичные случаи, когда за неправомерное использование чужого товарного знака, патента либо авторского права недобросовестные китайские предприниматели несли юридическую ответственность. При этом положения действующих *«Закона КНР о торговой марке»* (23.08.1982), *«Закона КНР о патентах»* (12.03.1984), *«Закона КНР об авторском праве»* (07.09.1990) в общем соответствуют предъявляемым к ним международными экспертами требованиям. Однако их применение на практике невозможно из-за существования множества подзаконных и местных инструкций, правил, извещений, распоряжений, которые тормозят реализацию законодательных норм в судах КНР.

Внесенные в 1999, а затем и в 2004 г. конституционные поправки хотя были и не очень значительными (Конституция также была дополнена в 1988, 1993 и 2018 г.), однако по их результатам в правовой системе КНР стали появляться новые уникальные нормативные правовые акты. В первую очередь отметим принятый 15 марта 2000 г. *«Закон КНР о правотворчестве»* (аналог так до сих пор и не принятого в России закона *«О нормативных правовых актах Российской Федерации»*). В нем достаточно детально прописан порядок принятия актов правотворчества ВСНП и его Постоянным комитетом, Государственным советом, СНП и их постоянными комитетами на местах, другими органами государства. Отличительной чертой закона является то, что в нем прописаны не только сами виды актов правотворчества, существующие в китайском государстве, но и компетенция государственных органов по их разработке, принятию, процедуре внесения в их положения из-

менений, дополнений, а также механизм разрешения возникающих в ходе осуществления правотворческой работы противоречий между самими актами правотворчества.

В 2005 г. в правовой системе КНР появился «Закон о противодействии расколу страны» (принят ВСНП 14 марта 2005 г.). Несмотря на то, что закон состоит всего лишь из 10 статей, его принятие повлекло за собой протесты в целом ряде зарубежных государств, но в первую очередь — в Китайской Республике на Тайване. Немногочисленные положения закона направлены против так называемой независимости Тайваня, тех сил, которые политическим или иным образом поддерживают «раскол» единого Китая. Более того: часть 1 ст. 8 предоставляет право КНР на применение «немирных способов и иных необходимых мер» (иначе: использование военной силы/вооруженных сил) для «защиты суверенитета и территориальной целостности государства».

Завершая обзор развития правового регулирования в социалистическом Китае в период с 1997 по 2010 г. отметим, что согласно официальному заявлению председателя Постоянного комитета ВСНП У Банго, сделанного 10 марта 2011 г. в докладе перед делегатами 4-й сессии ВСНП 11-го созыва, «...социалистическая правовая система с китайской спецификой уже сформирована»¹⁹. *К концу 2010 г. в правовой системе Китая действовало 236 законов, 690 административных актов и более 8600 местных актов правотворчества.*

Юридическая политика и законодательство КНР на современном этапе (2011–2019 гг.)

С 2011 г. Китай вступил в новый этап государственно-правового развития, в котором основной упор делается на превращение подзаконных нормативных правовых актов в законы, принятие новых актов правотворчества в сфере обеспечения государственной безопасности, регулирование политики «углубления реформ» и повышение уровня стабильности социально-экономического развития в условиях глобального международного финансового кризиса.

Вектор государственно-правового развития Китая до 2020 г. был заложен правящей Коммунистической партией на прошедшем в Пекине в ноябре 2012 г. XVIII съезде. *Главным идеологом происходящих в правовой системе КНР изменений выступает Си Цзиньпин.* В 2017 г. исполнилось пять лет с момента его избрания главой Коммунистической партии Китая.

Мало кто из экспертов предполагал, что Си Цзиньпин, заняв высшие партийно-государственные посты, предпримет активные попытки сконцентрировать максимальную власть в своих руках, развернет широкомасштабную борьбу с коррупцией, в рамках которой уголовному преследованию подвергнутся самые высокие руководители, а всего лишь через пять лет после парламентской сессии, избравшей его Председателем, изменит Конституцию, занеся в ее Преамбулу свое имя, устранив конституционное ограничение на занятие поста Председателя КНР более двух сроков подряд, создаст новый конституционный орган — *Государственный контрольный комитет*.

Проводимые Си Цзиньпином реформы затронули все без исключения сферы общественной жизни. Достаточно серьезным изменениям была подвергнута законодательная сфера. За пять лет пребывания Си у власти (2012–2017 гг.) ВСНП и его Постоянный комитет приняли 25 новых законов, внесли изменения в 127 действующих законов, приняли 46 постановлений по соответствующим правовым и чрезвычайно важным вопросам, вынесли 9 разъяснений к законам. Такой объем законотворческой работы новому Китаю ранее был не известен, разве что в первые годы после образования в 1949 г. КНР и сразу после развертывания политики реформ и открытости в дэнсяопиновский период. Отметим, что подавляющее большинство законов в Китае по-прежнему принимается ПК ВСНП.

При Си Цзиньпине основной акцент в законотворческой работе был сделан на регулирование сферы обеспечения государственной безопасности. Наряду с традиционными (устойчивыми) видами угроз (коррупция, ухудшение экологической обстановки, нехватка

ресурсов, демографические проблемы, рост имущественного расслоения), китайская государственность столкнулась с целым рядом новых вызовов. В первую очередь, к ним относится усиление разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб (обвинения в их адрес были выдвинуты правительством КНР после массовых протестов в Гонконге в сентябре 2014 г., больше известных как «революция зонтиков») и рост террористической угрозы (массовая резня на железнодорожном вокзале в г. Куньмин (01.03.2014), подрыв смертника на центральной площади Тяньаньмэнь (28.10.2013) и др.).

Впервые в истории КНР за непродолжительный период в стране был принят целый пакет законов, направленный на усиление полномочий правоохранительных органов, ужесточение юридической ответственности в рассматриваемой сфере. В первую очередь отметим появившиеся за последние годы:

- «Закон КНР о борьбе со шпионажем» (01.11.2014) (своим вступлением в силу отменил действовавший с 1993 г. «Закон КНР о государственной безопасности»);
- «Закон КНР о государственной безопасности» (01.07.2015);
- «Закон КНР о противодействии терроризму» (27.12.2015);
- «Закон КНР об управлении деятельностью зарубежных неправительственных организаций внутри страны» (28.04.2016, с изменениями от 04.11.2017);
- «Закон КНР о транспортной коммуникации в сфере государственной обороны» (03.09.2016);
- «Закон КНР о безопасности сети Интернет» (07.11.2016);
- «Закон КНР о разведке» (27.06.2017);
- «Закон КНР о ядерной безопасности» (01.09.2017);
- «Закон КНР о контроле» (20.03.2018).

Активное принятие законов в сфере обеспечения государственной безопасности происходит на фоне отсутствия в КНР целого ряда материальных кодифицированных актов правотворчества, к основным из которых отнесем Гражданский, Налоговый и Административный кодексы.

На этом фоне первоочередное принятие законов в сфере защиты безопасности государства наводит на определенные размышления: не приведет ли появление новых законов к усилению авторитаризма в стране, эскалации напряженности в обществе, подавлению инакомыслия, повторения сценария различных разрушительных политических кампаний, апогеем которых была «культурная революция»? Либо новые угрозы и вызовы китайской государственности настолько серьезны, что лишь первоочередное усиление законодательного регулирования деятельности, связанной с противодействием им, способно защитить Китай от подрыва его устоев? Ответ на эти вопросы даст лишь время.

Отметим также, что даже принимаемые в экономической сфере долгожданные законы по своей сути также направлены на регулирование сферы обеспечения государственной безопасности. Сказанное касается, например, принятого 15 марта 2019 г. на 2-й сессии ВСНП 13-го созыва «Закона КНР об иностранных инвестициях», который, кроме прочего, устанавливает: «Государство создает систему контроля безопасности иностранных инвестиций, осуществляет проверку безопасности иностранных инвестиций, угрожающих или способных нести угрозу государственной безопасности» (ст.25).

Апогеем законодательных инициатив Си Цзиньпина, вне сомнений, стали принятые на мартовской сессии ВСНП нового, 13-го созыва (2018 г.) поправки в Конституцию КНР. Их конкретное содержание впервые было представлено широкой общественности 25 февраля 2018 г., всего лишь за несколько недель до начала работы парламента. Они сразу же вызвали острые дискуссии в экспертном сообществе. О возможном изменении Конституции исследователи Китая начали говорить еще с осени прошлого года, когда в ходе прошедшего XIX съезда КПК (18–24 октября 2017 г.) в текст Устава партии было внесено имя Си Цзиньпина и его идея «социализма с китайской спецификой новой эпохи».

В действующую Конституцию в общей сложности была внесена 21 поправка. В Преамбулу действующей Конституции КНР, наряду с именами Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, законодателем теперь вписано имя Си Цзиньпина и его «идеи» о «социализме с китайской спецификой новой эпохи» (*поправка № 1*, или *статья 32* Поправок 2018 г. (по общему числу статей внесенных поправок в Конституцию с 1988 г.)). Председатель Си встал в один ряд с основателем КНР Мао и основоположником китайских экономических реформ Дэн, и это при том, что Конституция не содержит упоминания фамилий иных выдающихся руководителей КНР, внесших значительный вклад в развитие нового Китая. Нет в Основном законе и фамилий непосредственных предшественников Си — председателей Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, хотя в Преамбуле и содержится упоминание теории Цзян Цзэминя «о трех представительствах» и внесенная рассматриваемыми поправками «концепция научного развития» Ху Цзиньтао.

Наибольшую дискуссию среди всех принятых ВСНП конституционных поправок, несомненно, вызвала *поправка № 14 (ст. 45)*, отменившая ограничение срока занятия поста Председателя КНР. Так, до внесения поправок ч. 3 ст. 79 Конституции была следующего содержания:

«Срок полномочий Председателя и заместителя Председателя Китайской Народной Республики соответствует сроку полномочий Всекитайского собрания народных представителей. *Председатель и заместитель Председателя Китайской Народной Республики могут занимать эти должности не более чем два срока*». В настоящее время фраза о занятии указанных должностей не более двух сроков исключена из Конституции.

Таким образом, Си Цзиньпин юридически теперь правомочен занимать данный пост без ограничения по времени при условии его переизбрания ВСНП каждые пять лет. Это дает возможность нынешнему Председателю КНР оставаться «у руля» государственной власти до конца своей жизни, потенциально превращаясь в пожизненного руководителя Китая.

Отмена ограничения по сроку нахождения лица в должности Председателя КНР формально приравнивает статус Си Цзиньпина к положению *конституционного монарха с неограниченным сроком правления*, полномочия которого юридически существенно лимитированы действующей Конституцией (он не вправе принимать законы и в своей деятельности подотчетен парламенту). По факту же, являясь лидером правящей партии, председателем ЦВС (военный блок), Центральным комитетом по национальной безопасности (силовой блок), главой Центральной руководящей группы по углублению реформ (финансово-экономический блок), главой Центральной руководящей группы по безопасности сети Интернет и информатизации (информационный блок) и др., — Си Цзиньпин сконцентрировал в своих руках ключевые посты в государстве, что определяет его реальные мегаполномочия. Вкупе с отсутствием ограничения на срок пребывания в должности Председателя КНР он превращается в фигуру *абсолютного монарха*. Все это, с одной стороны, повышает политическую стабильность в обществе, уверенность в несменяемости проводимых экономических преобразований и борьбы с коррупцией, с другой — создает проблемы при передаче власти в будущем. Отмена принципа ротации (сменяемости) поста Председателя КНР может привести к развитию «культы личности» в будущем, и не обязательно, что он будет связан с именем Си Цзиньпина.

Заключительной конституционной поправкой № 21 (*ст. 52*) в систему органов государственной власти введены новые органы — *Контрольные комитеты*. Конституционно-правовому регулированию деятельности контрольных комитетов посвящен теперь § 7 гл. III «Государственная структура», ст. 123–127. Кроме этого, на мартовской сессии ВСНП принят отдельный «Закон КНР о контроле», своим вступлением в силу он отменил принятый в 1997 г. «Закон КНР об административном контроле».

17 марта 2018 г. на первом заседании ВСНП 13-го созыва китайские парламентарии в рамках нового витка административной реформы приняли «Проект реформы струк-

туры Государственного совета», согласно которому Министерство контроля КНР и Государственное управление КНР по предупреждению коррупции как самостоятельные органы Государственного совета были упразднены и вошли в состав нового Государственного контрольного (надзорного) комитета. Кроме того, в состав контрольных комитетов были переданы также управления народных прокуратур по борьбе с коррупцией, взяточничеством и должностными преступлениями и работающие в них прокуроры. Таким образом, у органов прокуратуры были изъяты функции по возбуждению уголовных дел и проведению предварительного следствия по делам о преступлениях, связанных с коррупцией и взяточничеством, по делам о должностных преступлениях государственных служащих.

Комиссии КПК по проверке дисциплины не упразднены, а подверглись слиянию с новыми контрольными комитетами и теперь работают с ними «бок о бок». Создана единая контрольная система, в которой сотрудники комиссий по проверке дисциплины работают в связке с их коллегами из контрольных комитетов (бывшими прокурорами из отделов по борьбе с коррупцией; служащими бывших Министерства контроля Госсовета и Государственного управления по предупреждению коррупции). На практике это означает создание одной, единой структуры, одни из работников которой занимаются проверкой дисциплины по партийной линии (функционально отнесено к комиссиям КПК по проверке дисциплины), а другие — проверкой на предмет совершения правонарушений коррупционной направленности, включая также и должностные преступления (функционально отнесено к контрольным комитетам).

Заключение

Законодательное развитие нового Китая в период с 1949 по 2019 г. показало способность китайских властей к проведению национально ориентированной юридической политики, направленной, прежде всего, на защиту собственных государственных интересов. Уникальность пройденного пути заключается в том, что Китай предложил альтернативу популярным в мире западным политико-правовым теориям правового развития государственных образований. Опыт КНР показал, что достижение высокого уровня экономического развития возможно и при игнорировании фундаментальных западных правовых институтов, таких как многопартийность, разделение властей, система сдержек и противовесов, верховенство международного права над национальным. Успешность государственно-правового развития Китая ставит под сомнение исключительность западного подхода к формированию правового климата осуществляемых в государстве реформ, подтверждает возможность повышения уровня благосостояния народа при сохранении собственной правовой культуры и правовой самоидентичности.

-
1. Подробнее см.: К 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 7.
 2. Подробнее см.: Советские районы Китая. Законодательство Китайской Советской Республики. 1931–1934. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.
 3. Подробнее см.: Чжунго жэньминь дасюе фасюеюань юаньши: [История Института права Народного университета Китая] (1950–2010). Пекин: Издательство Народного университета Китая, 2010. С. 33–40.
 4. Подробнее см.: Чжунго гоцзя хэ фадэ лишэ цанькао цзиляо: [Справочные материалы по истории китайского государства и права]. Пекин: Издательство Народного университета Китая, 1956. С. 1–3.
 5. Русский перевод см.: Законодательные акты Китайской Народной Республики / пер. с кит.; под ред. и с вступ. статьей Е.Ф. Ковалева. М.: Издательство иностранной литературы, 1952. С. 35–40; 41–49; 50–65 соответственно.

6. Подробнее см.: Законодательные акты Китайской Народной Республики...; Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. Н.Г. Сударикова. М.: Издательство иностранной литературы, 1955.
7. Подробнее см.: Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики... С. 29–53.
8. Подробнее см.: Кюзаджян Л.С. Идеологические кампании в КНР (1949–1966). М.: Главная редакция восточной литературы «Наука», 1970. С. 49–76.
9. Цит. по: Гудошников Л.М. Произвол и насилие — основа политики маоистов. О попрании права и законности в КНР в годы «большого скачка» и «культурной революции» // Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 3. С. 70.
10. Термин «правовосстановительный процесс» применительно к происходящим в Китае событиям впервые в синологической науке был применен проф. Л.М. Гудошниковым. См., например: Гудошников Л.М. Конституция 1978 г. и начало правовосстановительного процесса в Китае // Публично-правовые исследования. 2008. № 3. С. 119–129.
11. Подробнее см.: Виноградов А.В. Власть, бизнес и коррупция в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. С. 90.
12. Подробнее см.: Чжунъяо цзинци фагуй цзильяо сюаньбянь: [Избранные материалы по важнейшему экономическому законодательству]. 1977–1986. Пекин: Чжунго тунци чубаньше, 1987.
13. Подр. см.: Гудошников Л.М. Конституция КНР 1978 г. и начало правовосстановительного процесса в Китае // Публично-правовые исследования. 2008. № 3. С. 119–129.
14. Подробнее см.: Гудошников Л.М. О некоторых чертах современного внутривластного положения в Китае. // КНР в 1989 году (К оценке внутривластного положения в стране). Экспресс-информация. Выпуск 5. М.: ИДВ АН СССР, 1990. С. 5–10; Ахметшин Н.Х. Некоторые оценки политического кризиса в КНР в 1989 г. Там же. С. 11–18; Петровский В.Е. Взаимоотношения КПК и коммунистических партий: эхо трагедии на Тяньяньмэнь. Там же. С. 63–70; Антонов В.И. К оценке студенческих выступлений и манифестаций представителей широких слоев населения в Пекине и других городах Китая в апреле—июне 1989 года. Там же. С. 147–156; Лазарева Т.В. К вопросу о характере студенческих выступлений в Китае в мае-июне 1989 г. Там же. С. 157–166.
15. Подробнее см.: Усов В.Н. История КНР: в 2 т.: учебник. Т. II: 1966–2004 гг. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. С. 571–573.
16. Подробнее см.: Чжунго тесе шэхуэй чжун фахой тиси цянъянь вэньти яньцзю: [Исследование важных вопросов социалистической правовой системы с китайской спецификой] / под ред. Сунь Гогуа, Фэн Юйцзюня. Пекин: Чжунго миньчжу фачжи, 2005. С. 11.
17. Подробнее см.: Поправки к Конституции Китайской Народной Республики // Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация. № 9. М.: ИДВ РАН, 1999. С. 10–12.
18. Подробнее см.: Фали сюе: [Теория права] / под ред. Чжан Вэньсяна. Пекин: Фалой чубаньше, 1997. С. 245–250. Хотя сама идея правового государства в ее современном виде пришла в Китай с Запада лишь в XX веке, тем не менее, предпосылки для ее возникновения на китайской почве были заложены еще в далеком XVII веке. Подробнее см.: Максимов Д.А. Идея правового государства в Китае в начале 20 века // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межкультурных отношений в 21 веке. Тезисы докладов 12 Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». (Москва, 25–27 сентября 2001 г.). Часть 2. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 144–148.
19. Цзинци жибао: [Экономическая газета]. 11.03.2011.